

Чоник

Сергей Ножериевич Чонишвили

Артист театра и кино. Диктор. Телеведущий. Писатель.
Заслуженный артист РФ. Дважды лауреат театральной премии
«Чайка». Лауреат премии имени И.М. Смоктуновского.
Лауреат премии XII Международного кинофестиваля
«Восток-Запад». Лауреат премии ФСБ России в области
литературы и искусства

Сергей Ножериевич Чонишвили. 1993 г.

Дима Марьянов. Размышления вслух.

«Блеть, ни вижу ни хуя...». Так начинался спектакль «Игра в жмурики» по пьесе Михаила Волохова (*российский и французский драматург, поэт, теоретик театра*). Он был поставлен в 1993 году. Но только первые десять минут шел неуправляемый поток нарочито эпатажного текста – как камертон, задающий правила игры. Дальше (хоть и с сохранением великого русского матерного языка) рассказывалась история про воровца и пожарника в подсобке гэбэшной больницы. Полтора часа действия (классицизм в чистом виде – единство время, места и действия). И спектакль этот лакмусовая бумажка – проверка на профессионализм. Герои спектакля играют в карты, болтают, решают «вечные вопросы», провоцируют друг друга на неадекватные поступки, издеваются друг над другом, тут же делятся очень личными историями... Жесткое, но очень пронзительное действо, когда выясняется, что один из персонажей пришел сюда умереть. Не в состоянии покончить жизнь, он сделает это руками своего партнера. И становится по-настоящему страшно, потому что это история тридцатилетних «гомо-советикус».

Сцена из спектакля "Игра в жмурики" Олег Фомин и Сергей Чонишвили. 1997 г.

Пьесу часто сравнивали с «Эмигрантами» Мрожека. Но есть важное отличие: эти люди не эмигранты, – они находятся в своей собственной стране. Поэтому для меня – это советский вариант «Истории в зоопарке» Олби.

История потерянной души, уставшей бороться с окружающей действительностью.

Благодаря этому спектаклю я остался в профессии.

Для меня всегда важна – интересная работа. Потому что есть работа с большой буквы и с маленькой. И что-то ты делаешь ради профессионального роста и карьеры, что-то – ради получения образцов денежных знаков, чтобы не думать о налогах, выплатах за бензин, сколько чашек кофе ты выпил и т.д...А что-то ты делаешь просто потому, что тебе это нравится. Потому что это важно для тебя, как для человека-артиста. И глубоко насрать, сколько это стоит. Для многих такое заявление звучит странно: слишком много проблем, особенно на сегодняшний день. Но в этом смысл жизни, на мой взгляд, как бы пафосно это ни звучало.

Сцена из спектакля "Жестокие игры". 1987 г.

Для людей, которые не видели телефона с диском, – (реальная история – каким-то мальчикам дали дисковый телефонный аппарат и назвали номер, попросили их позвонить – они не смогли, не поняли, как это делать,) так вот для тех, кто лишен подобных знаний, рассказываю поучительную историю для понимания прошлого.

В 1984 году мы с однокурсником решили поставить отрывок из «Собачьего сердца» для самостоятельного показа. (Есть такая форма обучения в театральном институте). Достали томик Булгакова с этим произведением (естественно, зарубежного издания), составили некую компиляцию на 35 минут, назвали «Cœur de chien» (чтобы никто не догадался, чем мы занимаемся, наивные идиоты) и репетируем как самостоятельную работу. И однажды ловит нас у расписания в институте чудесная Маша Пантелеева – замечательный педагог и человек – и спрашивает: «Ребята, вы доучиться в институте хотите или как? Если да, то возьмите для отрывка что-то другое». Запрещенная литература. «Собачье сердце» только спустя два года впервые разрешили поставить – вышел спектакль в театре Станиславского, потом в ТЮЗе. А в тот момент за это можно было вылететь из института. И не только имя Булгакова было запрещено. Артур Миллер был запрещенным автором. Мы выпустили спектакль (опять же самостоятельный) «Цена» только благодаря тому, что это совпало с Перестройкой. Раиса Максимовна Горбачева посетила Иссик-Кульский форум 1986 года, познакомилась с Миллером, запрещенным в нашей стране из-за своего председательства в ПЕН-клубе, который осудил вмешательство СССР в Чехословацкую «Пражскую весну»... Миллера вернули «из врагов в друзья», и только после этого нам позволили играть «Цену» в студенческом театре. А позже даже включили в Государственный экзамен. По окончании института я попал в Ленком. Пришел я туда в 1986 году и играл сплошные вводы. Первую премьеру я получил спустя тринадцать лет.

Нет, поначалу все было неплохо – «Жестокие игры», «Юнона и Авось», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» – вводы, но прекрасные. А через год я ушел в армию. Вернувшись, оказался сначала в ситуации, когда меня сняли с роли в новом спектакле. И потом революции начала 90-х. Театры выживали из последних сил. У меня 26-28 спектаклей в месяц, но в положении «пляшущего человечка». Кино нет... Зарплаты хватает на полторы недели. Комната девять метров в общежитии. И ноу перспектив. У меня не складывалось ничего.

Сцена из спектакля "Жестокие игры". 1993 г. Фотография Александра Стернина.

А возрастной и профессиональный счетчик стучит с невероятной скоростью. И тут Миша Волохов присылает пьесы, штук пять. Мы с товарищем их прочитали и решили: «Вот из этой получится "История в зоопарке", если изменить финал. Это интересно». И получилось. Так я остался в профессии. Потому что если бы не получилось, ушел бы из артистов. Так я для себя решил. А после «Жмуриков» – пошло-поехало.

Спектакль прозвучал. Нас пригласили на гастроли во Францию. Играли в Москве, Петербурге. Но перед гастролями в Новосибирск ушел из проекта мой партнер Андрей Соколов, и за восемь репетиций и два прогона на роль ввелся Олег Фомин. И с ним мы потом играли много лет. В один прекрасный день нас пригласили на фестиваль – в Мурманск. Но Олег не мог ехать, не помню по каким причинам. А играть надо. Это было важно для проекта. Я позвал Диму Марьянова – своего коллегу по Ленкому. На тот момент он был единственный кандидат. Ему я мог доверять.

Сцена из спектакля "Две женщины". 1997 г.

Дима прекрасно понимал, что его срочный ввод – профессиональный эксперимент. И это было его решение. Ни ножа у горла – давай! Ни вот тебе денег до хрена. Нет. Это было на уровне – хочешь? Хочу! Работаем.

С Димой я познакомился в Щуке. В Ленкоме выпускали новую версию «Бременских музыкантов», и я пошел посмотреть на нашего нового Трубадура. Так оказался на спектакле «Город мышей». В нем я впервые увидел Диму и Наташу Щукину. Наташа была фантастическая! Я до сих пор считаю, что у нее огромный потенциал. У нее сложившаяся творческая биография, но она, как мне кажется, до сих пор способна на бОльшее. Дима тоже был замечательным. И он тоже свой потенциал до конца так и не раскрыл. Впрочем, это можно сказать о любом человеке, который развивается в профессии. Потому что часто бывает иначе: артист перестает двигаться вперед – делает свое дело, используя наработанные штампы, не более. А еще есть те, которым случайно везет, и в какой-то момент у них «едет крыша». И потом они удивляются: куда все ушло?

Сцена из спектакля «Юнона и Авось». Фотограф Александр Стернин. 1996 г.

Дима и Наташа были с курса Юрия Михайловича Авшарова (актер театра и кино, педагог. Народный артист РФ). Я обожаю этого человека, с которым имел счастье работать: он был одним из моих педагогов. Он – один из немногих, кто действительно давал школу, закладывал фундамент профессии. Он был потрясающим! В прямом смысле этого слова.

Человек с большой буквы. Когда выходила книжка к его юбилею, у меня спросили: «Как бы вы его сыграли?» Я ответил: «Честно». Другой формулировки не нашел. Потому что, первую очередь, это был человек честный; в профессии и в жизни. В том, что хотел, и в том, как он делал. Наверняка, были какие-то компромиссы, но существовал он как человек, который никогда не идет против своей воли. Он всегда делал так, как считает нужно. При этом был очень интеллигентен. Он не говорил, даже если человек вел себя, как последний подонок: «Вы говно, бездарь и лентяй. Идите отсюда». Он мог сказать: «На мой взгляд, так поступать не профессионально». И сразу было понятно что за этим стоит.

Случай из жизни. Однажды на репетиции Юрий Михайлович спрашивает у одного студента: «Как вы считаете, будет лучше здесь – так или так?» Студент боится сказать глупость. Молчит. Авшаров не

отступает: «Прошу вас, ответьте. Не молчите». Студент не выдерживает: «Не томите! Скажите же мне, как тут лучше?!» Авшаров отвечает: «Так я не знаю. Я хочу с вами решить». Вот в этом и заключается сила человека – признать: я не знаю. Подход – я начальник, ты – дурак – распространен у нас повсеместно. И он не правильный. Я начальник, но если я не знаю, я найду человека знающего и спрошу; не стыдно спрашивать и вместе находить решение. Так что курс у Авшарова был крутой! И они бы могли после выпуска существовать как отдельный театр. А ведь не каждый курс, даже если напичкан будущими известностями, способен создать театр. Это важная мысль. Важно, что его курс смог бы.

Сам Юрий Михайлович работал в Театре Сатиры, но, на мой взгляд, это была не совсем его территория. И если говорить о его актерской природе – он был «излишен» на сцене. Его было много. Он был в чужом ансамбле инородным телом. Это было не плохо! Нет. Просто он словно из другого спектакля пришел. Другое дело, когда он играл в спектаклях, которые сам же и ставил. До сих пор вспоминаю замечательного «Комедианта» Джона Осборна – это была его история. Вспоминаю его «Бесов», «Дон Кихота». Он умел делать сам себя, но не всегда умел вписываться в предлагаемые обстоятельства, потому что он был слишком самодостаточная личность. И вот это свое, нечто особое – он умел передавать ученикам. Авшаров вообще был как отдельная планета в институте. И когда он набрал курс – это было очень круто.

Дима был его учеником. У некоторых могло сложиться впечатление, что Дима – этакий баловень судьбы и расп.яй. Но это не так. Дима был вдумчивый, глубокий артист. Любящий свое дело и пытающийся найти свое место, свою ноту. Я не идеализирую его – в нем было много инерционных позиций, но было честное отношение к профессии. Кто-то сказал: хороший человек не профессия. Я продолжу – но хороший профессионал не может быть плохим человеком. Он может быть неприятным, странным, но нехороший человек не способен стать настоящим профи. Впрочем, нет таких понятий: хороший/плохой. Мир не однотонный. В нем живет много красок, полутонов, интонаций. Как сказал Гете: «Под каждой могильной плитой лежит Вселенная». Продолжу: но не каждая Вселенная может стать предметом искусства.

Сцена из спектакля "Жестокие игры". Фото
Александра Стерина. 2001 г.

Я наблюдал Диму в театре. Он вводился на мою роль в «Жестоких играх» – на Никиту. Я видел, как он репетирует, как работает. Я любил этот спектакль, потому что он был один из немногих в театре, в котором можно было импровизировать. Ленком полон очень жестких схематичных спектаклей – тебе дается рисунок, и в нем почти невозможно сделать что-то свое. Импровизация же очень важна – иначе из работы уходит первоначальная радость. А «Жестокие игры» мы играли очень много – бывало, что в пятницу вечером, потом два раза в день в субботу и воскресенье. Придумывали для себя что-то – договаривались. Брли всякий раз новые предлагаемые обстоятельства. Например: сегодня играем в «Семнадцать мгновений весны». На следующий день – что-нибудь новенькое. И я поделился этим секретом с ребятами, которые в тот момент вводились, потому что первоначального энтузиазма по вводу в старый спектакль у них не было. И в этом спектакле необходимо найти интерес внутри самой компании. Важно вытащить на сцену свой мир... Но это «актерская кухня». Зрителю не обязательно это знать. Тем более, что на сегодняшний день у нас огромное количество так называемых «экспертов», разбирающихся в любом вопросе.

Очень серьезная проблема. Касающаяся Димы тоже. Интернет.

Всем сегодня кажется, что они все знают, обо всем. Что могут с легкостью судить о чем угодно. И для кого-то существует Дима Марьянов, который сыграл в фильме «Выше Радуги». И он очень хороший мальчик, умеющий обаятельно улыбаться. И есть Дима Марьянов, о котором уже мало кто помнит – ученик театральной школы при Московском молодежном театре «На Красной Пресне». И есть Дима Марьянов, который учился на одном из лучших курсов Щукинского училища. Есть Дима Марьянов в Ленкоме. И есть Дима, который приехал на театральный фестиваль «Нити», где сыграл «Игру в жмурики». И это мало кто видел. Но это было. А еще был Дима, который снимался в сериальной продукции. И не в сериальной продукции, а и в полном метре тоже: чего стоят «Дорогая Елена Сергеевна» и «Любовь». И был Дима, который работал в Независимом театральном проекте. Дима был очень разным, но для подавляющего большинства людей, которые имеют девичью память, Дима снялся в паре фильмов, когда-то был артистом Ленкома, работал с Квартетом И – и все. Зато все точно знают, как и с кем он жил и как ушел из жизни. И все имеют свое особое мнение по этому поводу.

Сцена из спектакля
«Жестокие игры». 2001 г.

Интернет – гениальная вещь, среди мусора можно найти истину, но народ огрубел мозгами и читает две первые строчки основной страницы поиска. А еще лучше довериться мнению блогеров, на которых подписан. Или инструкциям и формулярам, которые меняются со скоростью звука. Но так ведь удобнее: не надо думать собственными мозгами. Не надо искать. Не надо анализировать. Не надо напрягаться. Так проще. Интеллектуальная составляющая человечества падает уже не первый год. Грустно. Но.....

В последний раз я его видел в 2013 году, в январе. Он выглядел очень уставшим, постаревшим. Было видно, что находится на грани своих физических возможностей. И при этом он был очень ... домашний что ли... уютный... Не знаю, как сказать. Мы были очень рады друг другу, потому что по сути ходили одними и теми же профессиональными тропами, просто редко пересекались. И это встреча почему-то запала в меня. Мне не очень понравилось его пронзительное состояние. Было очевидно – он просто загнал себя. И в этом состоянии ты можешь совершать поступки неадекватные. И в этом состоянии тебе будут говорить, что делать, и ты просто будешь делать. Потому что у тебя не хватит сил понять, что правильно, а что нет. У тебя просто нет ни сил, ни желания поговорить самому с собой... Я не мог залезть в голову другого человека, но я прекрасно понимал что это уже «не совсем Дима». Это человек, который существует по ему одному известному сценарию, согласно ему одному известным законам.

Сцена из спектакля "Жестокие игры". 1993 г.

Быть может это моя фантазия, но мне кажется, Димкина человеческая трагедия именно в том, что он «забил» на многие свои рецепторы. И это может вызывать только чувство сожаления. Ведь Дима один из тех, кто был обласкан судьбой и при этом – не реализован. И ужасно, что мы говорим о нем в прошедшем времени.

О многих, даже великих людях нашего времени, мы вспоминаем только когда наступает юбилей... или смерть. Потому что сегодня если не трахнул кого-то, не попал в сводки Министерства внутренних или других дел... не украл, не убил, не увел жену/мужа (ненужное зачеркнуть) у кого-то, не совершил камминг-аут, о чем тут говорить? О чем? В этом ужас. Только скандал теперь и дает повод порассуждать о человеке. И почему мы не стремимся помогать, пока люди живы? Сколько можно наблюдать одно и то же в истории, в любой из стран – когда художник умирает в глубокой нищете, а на следующий день его картины стоят баснословных денег? Или когда поэта/писателя/музыканта/артиста и т.д. покрывают последними словами, а потом объявляют – он гордость страны? Я уж молчу, что у каждого действия есть противодействие и если предыдущее поколение за реальные свершения возносит человека, то можно быть уверенным в том, что последующие пожелают спустить его с небес, если не поместить на дно выгребной ямы...

Я думаю, что судить о человеке можно, только зная наверняка о его делах и поступках в сочетании со знанием причин и мотиваций тех или иных поступков и дел. Но все равно есть шанс ошибиться: ведь единственный твой личный собеседник, знающий про тебя всю правду, – ты сам...